

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 2002 г.

Dictys Cretensis

EPHEMERIS BELLI TROIANI

Диктис Критский

ДНЕВНИК ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Перевод с латинского и комментарии

В.Н. Ярхо

Книга вторая*

1. После того как ветры пригнали весь флот к области мизийцев, корабли поспешно по данному сигналу пристают к берегу¹. Однако стража препятствует им при желании высадиться, так как Телеф, который тогда был правителем Мизии, выставил стражу на берегу, чтобы она защищала всю землю от набега врагов с моря. Поэтому, так как грекам мешают сойти с кораблей и не позволяют прикоснуться к земле, прежде чем известят царя, кто они такие, наши сначала пытаются пренебречь запретом и поодиночке высаживаться с кораблей. Стража, однако, ничуть этому не попустительствует, а начинает из всех сил сопротивляться и мешать. Тогда все вожди, решив отомстить за обиду боем, схватив оружие, устремляются с кораблей и, охваченные гневом, начинают разить стражу, не щадя даже тех, кто обратился в бегство, так что если кого-нибудь из бегущих настигали, то убивали.

2. Между тем к Телефу приходят те, которые первыми спаслись бегством от греков; сообщают, что на них обрушились многие тысячи врагов и, перебив стражу, захватили берег; к этому некоторые со страху добавляют еще много прочего. Узнав о случившемся, Телеф со своей свитой и остальными, которых смог собрать вместе в такой спешке, немедленно выступает навстречу грекам, и тотчас, со сплоченными с обеих сторон рядами, завязывается ожесточенная схватка. Если кто одолевает, убивает противника, в то время как с обеих сторон ожесточенно наступают, случайно убивая и там и здесь кого-нибудь из своих. В этом сражении, сойдясь с Телефом и сраженный им, погибает Фессандр (как мы упоминали, сын Полиника), успев до

* Начало см. ВДИ. 2002. № 1. С. 239–251.

¹ Краткое упоминание о событиях в Мизии было уже в «Киприях», несколько подробнее – у Аполлодора (Эпит. III. 17), но без всех прикрас, внесенных Диктисом.

этого перебить много врагов и среди них – упорно сражавшегося соратника Телефа, которого царь по его физической и умственной силе считал среди своих вождей. Возносясь понемногу душой вследствие благоприятного хода войны и напав поэтому на превосходящего силами противника, Фессандр погибает. Его окровавленное тело вздымает на плечи Диомед, так как между ними существовали постоянные узы гостеприимства, завязанные еще их родителями².

Он похоронил его по отцовскому обычаю, предав огню то, что оставалось от тела.

3. Когда Ахилл и Аякс Теламонов увидели, что исход битвы оборачивается большим ущербом для прибывших, они делят войско на две части. И подбодрив своих сообразно с обстоятельствами, как бы с возродившимися силами еще настойчивее устремляются на врагов, причем вожди сражаются в первых рядах и то преследуют бегущих, то, со своей стороны, словно стена, противостоят нападающим. Таким образом, воюя первыми или среди первых, уже тогда они снискали себе великую славу своей доблестью и среди врагов и среди своих. Между тем, Тевфраний, сын Тевфранта и Авги, единокровный брат Телефа³, заметив, что Аякс с такой славой бьется с мизийцами, поспешно обращается против него и, сражаясь, падает под ударом его копья. Немало потрясенный этим случаем, Телеф, стремясь отомстить за смерть брата, ожесточенно нападает на вражеский строй и, обратив в бегство тех, кто выступал против него, упорно преследует Улисса в винограднике, который находился вблизи места сражения. Здесь он, запутавшись в виноградных лозах, падает. Как только Ахилл издала это заметил, он, метнув копье, пронзает Телефу левое бедро. Но Телеф, бодро поднявшись, извлекает наконечник из тела и под защитой сбежавших своих извлекается от неминуемой гибели.

4. Между тем, завершилась уже большая часть дня, когда шедшая с обеих сторон с величайшим напряжением битва, без всякого отдыха в непрерывных сражениях и в схватках вождей друг с другом, стала затихать. Наших, несколько утомленных многодневным плаванием, особенно лишало мужества присутствие Телефа, ибо он, будучи сыном Геркулеса, прекрасный физически и в расцвете сил, приравнял свою собственную славу к божественной отцовской доблести. Итак, с наступлением ночи по общему согласию наступил перерыв в войне. Мизийцы уходят к себе домой, наши – к кораблям. Впрочем, в этом сражении в обоих войсках было много убитых, но и огромное количество раненых, так как не было почти никого, кто бы не принимал участия в этой убийственной войне, разве только очень немногие. На следующий день посылают с обеих сторон послов договориться о погребении павших в битве и, установив перемирие, собирают трупы и хоронят их, предав огню.

5. Между тем, Глеподем и Филипп с братом Антифом (выше мы указывали⁴, что, происходя от Фессала, они были внуками Геркулеса), узнав, что в этих местах правит Телеф и будучи уверенны в своем родстве, приходят к нему и объявляют, что они такие и вместе с кем плывут. Обменявшись длинными речами, наши под конец жестоко его обвиняют, что он так враждебно относится к своим: ведь войско это собрали Пелопиды Агамемнон и Менелай, не чужие его роду⁵. Затем послы рассказывают о том, что натворил в отношении дома Менелая Александр, похитив Елену. Телефу-де следует как из-за родства, так особенно из-за преступного оскорбления общего для греков закона гостеприимства оказать им со своей стороны помощь, потому что в их высоком положении продолжают жить по всей Греции многочисленные воспоминания о подвигах самого Геркулеса. Телеф, хоть его и безмерно мучила рана, на это благосклонно отвечал, что беда произошла, скорее, по их собственной вине, поскольку он не знал, что к его царству прибило ближайших друзей, связанных с ним узами родства; им следовало сначала выслать людей, от которых он бы узнал об их прибытии и вышел, как должно, с приветом навстречу; он принял бы их гостеприимно и по-дружески и, одарив подарками, отпустил, когда им было бы угодно. В остальном – он отказывается принимать участие в походе против Приама, так как женат на его дочери Астиохе⁶ и рожденный ею сын Еврипил мешает этому как вернейший залог родства. Здесь он велит возвестить народу, чтобы отказаться от начатой войны, и дает нашим полную возможность вернуться к кораблям. Глеподем

² *Узы гостеприимства, завязанные их родителями.* – Смелое утверждение, так как Полиник и Тидей, отец Диомеды, встретились впервые в доме Адраста, где они затеяли драку (*Еврип.* Финник. 415–422), и о дальнейших их взаимоотношениях известно только, что оба погибли под стенами Фив. Иное дело, что Диомед участвовал вместе с Фессандром в походе эпигонов, завершившемся взятием Фив.

³ *Телеф* был сыном Авги от Геркулеса; попав в Мизию, Авга стала женой местного царя Тевфранта. Ср. *Страбон.* XIII. 1. 69. С. 615; *Гиз.* 99, 100.

⁴ *Выше мы указывали:* I. 14.

⁵ *Не чужие его роду* – разве только в том отношении, что Пелоп и Телеф приходились внуками Юпитеру, но от разных отцов.

⁶ *Астиоха* обычно считается сестрой Приама, а не дочерью (см. *Аполлод.* III. 12. 3).

и сопровождавшие его вверяются Еврипилу и, совершив, что хотели, достигают кораблей, где сообщают Агамемнону и остальным царям о мире и согласии с Телефом.

6. Услышав это, цари с радостью прекращают приготовления к войне. Затем по решению совета Ахилл с Аяксом пришли к Телефу, утешали его, угнетаемого тяжкими страданиями, и настойчиво просили мужественно переносить несчастье. Телеф же, когда иногда наступало отдохновение от мучений, обвиняет греков, что не предварили свое прибытие каким-нибудь известием. Затем расспрашивает, кто именно и сколько Пелопидов участвуют в этом походе, и, узнав, усиленно просит, чтобы все пришли к нему. Тогда наши, пообещав сделать, что он хочет, извещают о желании царя остальных. Итак, все Пелопиды, кроме Агамемнона и Менелая, собравшись вместе, приходят к Телефу и своим присутствием доставляют царю много искренней радости; он радушно их принимает и щедро одаривает подношениями. К тому же из тех воинов, кто оставался у кораблей, никого не минула царская щедрость, ибо по числу кораблей было доставлено достаточно зерна и прочего, что необходимо. В остальном, когда царь заметил отсутствие Агамемнона и его брата, многократно усиленно просит Улисса, чтобы он добился их прихода. Итак, они приходят к Телефу и, по обычаю царей, вручив и получив дары, велят сыновьям Эскулапа Махаону и Подалирию пойти к царю и исцелить рану; те, заботливо осмотрев ее, тотчас налагают подходящие лекарства от боли⁷.

7. Когда по прошествии нескольких дней время, подходящее для отплытия, откладывается и море, послушное неблагоприятным ветрам, начинает со дня на день все больше свирепствовать, греки приходят к Телефу и спрашивают у него совета относительно времени, подходящего для отплытия; узнав от него, что время, удобное для плавания из этих мест под Трою – начало весны, а остальное неблагоприятно, по общему желанию возвращаются в Беотию и, вытащив на сушу корабли, расходятся все зимовать в свои царства. Этого свободного времени было достаточно, чтобы из-за преданной смерти Ифигении разгорелась распря между Агамемноном и его братом Менелаем⁸, так как его считали виновником и как бы главной причиной этого печального события.

8. В это же время в Трое узнали о союзных действиях всей Греции, причем известие это принесли варвары-скифы, которые ради торговли шныряют взад и вперед по всему Геллеспонту и привыкли обмениваться новостями с местными жителями. В Трое на всех напали страх и ужас, тем более чем некоторые люди, которым с самого начала не понравился дурной поступок Александра, совершенный против Греции, уверяли, что из-за порочности немногих город обречен на всеобщую гибель. В обстановке такого страшного волнения Александр и другие его плохие советчики рассылают многих послов, отобранных из всех сословий, для привлечения помощи из соседних областей, и им поручается возвращаться, выполнив задание как можно скорее. Особенно торопят в этом отношении Приамиды, чтобы, спешно собрав войско, предупредить во времени выступление греков и перенести всю готовящуюся войну в области Греции⁹.

9. Пока это происходит в Трое, Диомед, извещенный об их намерении, очень спешно объезжает всю Грецию, посещает всех вождей и, открывая им замысел троянцев, побуждает и внушает, чтобы торопились к отплытию, как можно скорее подготовив все необходимое для войны. Немного погодя все они, узнав, в чем дело, собираются в Аргосе. Здесь Ахилл негодует на царя, что он из-за дочери откладывает выступление, но Улиссу удается склонить его¹⁰ к снисхождению, так как он долго объясняет печальному и объятому скорбью Агамемнону, что произошло с его дочерью¹¹, и восстанавливает душевное спокойствие царя. Итак, хоть никто из всех собравшихся не пренебрегал воинскими делами, величайшую заботу и попечение о начале войны взяли на себя главным образом Аякс Теламонов и Ахилл с Диомедом; они решили приготовить кроме собранного флота корабли для набегов на вражескую местность. Итак, за несколько дней строят флот из пятидесяти кораблей, оснащенный по всем правилам. В остальном, по прошествии восьми лет от начала этого похода, начинается год девятый.

10. Когда флот был целиком оснащен, спокойное море содействовало плаванию и не было больше никаких препятствий, вожди выбрали за плату проводниками в этом отплытии скифов, которые как раз причалили сюда¹² ради торговли. В то же самое время в Аргос приплывает

⁷ *Налагают лекарства.* – Как видно из гл. 10, недостаточные для исцеления.

⁸ *Распря между Агамемноном и Менелаем* – мотив, заимствованный у Еврипида (Иф. А. 303–414).

⁹ О намерении троянцев начать превентивную войну и об усилиях Диомеда по ее предотвращению (см. следующую главу) из других источников ничего не известно.

¹⁰ *Склонить его* – т.е. Ахилла.

¹¹ См. I. 22.

¹² *Причалили сюда.* – См. прим. 14.¹

Телеф, долго мучившийся болью от той раны, которую получил в сражении против греков, и не мог исцелиться никаким средством; наконец, он получил указание от оракула Аполлона обратиться к Ахиллу и сыновьям Эскулапа. Всем собравшимся вождям, удивленным его появлением, он объясняет, что причиной является оракул, и просит, чтобы друзья не отказали ему в предписанном лекарстве. Узнав об этом, Ахилл вместе с Махаоном и Подалирием, проявив заботу о ране, вскоре подтверждают справедливость оракула¹³. Затем греки, совершив многочисленные жертвоприношения и призывая богов в помощники их предприятию, прибывают в Авлиду вместе с названными выше кораблями¹⁴ и оттуда поспешно отплывают, причем проводником им поначалу служит Телеф¹⁵ в благодарность за услугу. Так, погрузившись на корабли, при попутных ветрах, они прибыли под Трою.

11. В это же время ликиец Сарпедон, сын Ксанфа¹⁶ и Лаодамии, побужденный частыми вестниками от Приама, подходил с большим войском к Трою. Когда он видит издали, что к берегу приближается огромный флот, он, приняв решение по ходу дела, спешно строит своих и нападает на греков, начавших высаживаться. Немного позже, узнав о случившемся и схватившись за оружие, прибегают сыновья Приама; а между тем греки, окруженные врагами, наступавшими со всех сторон, не могут ни сойти с кораблей без больших для себя потерь, ни взяться как следует за оружие, так как все сбились в одну кучу и поэтому во всем мешали друг другу. Однако в конце концов те, кто в этой спешке смог вооружиться, подбадривая друг друга, решительно нападают на врагов. И в этой битве в числе первых погибает Протесилай, чей корабль первым из всех пристал к берегу; сражаясь, он в конце концов был убит копьем Энея¹⁷. Пали также два сына Приама, не миновала смерть и остальных с той и другой стороны.

12. Между тем Ахилл и Аякс, сын Теламона, чья подлость всегда поддерживала греков, сражались с великой славой, врагам внушили страх, своим же придали уверенности. И враги уже не могли сопротивляться им, так что противник, понемногу отступая, в конце концов обратился в бегство. Так, получив передышку от битвы, греки, вытащив на сушу корабли, располагают их в полном порядке. Затем они избирают командирами¹⁸ Ахилла и Аякса Теламонова, чьей доблести они доверили в наибольшей степени, и вручают им попечение о флоте и войске, распределив между ними фланги. Когда все было расположено по порядку, уходит домой, сопровождаемый большой благодарностью войска, Телеф, под чьим руководством плыли под Трою. Несколько позже, когда наши были заняты похоронами Протесилая и не ожидали в это время никакой опасности со стороны врагов, Кикн, чье царство находилось недалеко от Трои, узнав о нашем прибытии, неожиданно и из засады напал на греков и вынудил их, перепуганных неожиданной бедой, к бегству без всякого порядка и воинской дисциплины. Тогда остальные, которым не было поручено это погребение, поняв что происходит, и поспешно вооружившись, вышли против Кикна. Среди них Ахилл, сойдясь с царем, убил его, а также множество врагов, освободив таким образом от преследования наших, обратившихся ранее в бегство.

13. И вот, когда вожди были обеспокоены и вследствие убийства многих воинов боялись внезапных нападений врагов, было решено прежде всего двинуться с частью войска на соседние с Троей города и всячески подвергнуть их опустошению. Прежде всего они нападают на страну Кикна и все кругом опустошают. Но когда они вторглись безо всякого сопротивления в город неандрийцев¹⁹, который как столица царства считался кормилицей сыновей Кикна²⁰, и начали

¹³ Диктис не говорит здесь о том, что, согласно традиции, лекарством для Телефа должна была явиться ржавчина, накопившаяся на копье Ахилла, которым он был ранен (*Аполлод.* Эпит. III. 20; *Гиг.* 101). Без этого остается непонятным, почему предыдущее лечение (см. гл. 6), осуществленное теми же врачами, оказалось недостаточным.

¹⁴ *Вместе с кораблями.* – По-видимому, Диктис плохо представлял себе, что Аргос лежит примерно в 10 км от моря и ближайшая от него гавань – Навплий. Иначе надо предположить, что все 50 кораблей волокли от Аргоса до Навплия волоком. Точно так же Телеф должен был приплыть в Навплий, а оттуда добираться до Аргоса по суше.

¹⁵ *Проводником служит Телеф.* – Зачем нужны были упомянутые выше скифы?

¹⁶ *Сарпедона* чаще считали сыном Зевса: Ил. VI. 198 сл.

¹⁷ По традиционной версии, *Протесилай* погиб от руки Гектора: Ил. II. 698–702; *Аполлод.* Эпит. III. 30; *Гиг.* 103.

¹⁸ *Избирают командирами.* – См. I. 16 и прим. Диктис везде представляет себе греческую армию как войско, сражающееся по всему фронту под начальством командиров.

¹⁹ *Неандр* – город в Троаде. Однако никто, кроме Диктиса, не сообщает о нападении на него греков. Неясно и местонахождение самой страны Кикна. О его единоборстве с Ахиллом см. *Пинд.* Ол. II. 87–91; *Истм.* V. 39.

²⁰ *Кормилица царских сыновей* во главе города – ситуация, возможная только в изложении Диктиса.

его поджигать, жители стали со слезами и просьбами умолять их, чтобы они отказались от своего намерения, заклиная всеми богами и людьми и припадая к их коленам, чтобы они не позволили за вину преступнейшего вождя испытать бедствия невинному городу, который немного спустя будет им верным. Так, вызвав к себе сострадание, этот город спасся. Впрочем, по требованию греков неандрийцы выдали царевичей Кобиса и Кориана и сестру их Главку; ее они отдали Аяксу за его храбрые деяния кроме другой причитающейся ему добычи. Немного погодя неандрийцы приходят к грекам с мольбами и с предложением мира и своей дружбы и давая слово, что исполнят все, что им прикажут. Сделав это, греки напали на Киллу и завоевали ее. Однако отстоявшую недалеко Карену не тронули из расположения к неандрийцам, которые даже оставались верны вождю этого города, а к этому времени были нашими друзьями.

14. В это же время до греков доходит Пифийский оркул: все должны уступить Паламеду совершение жертвоприношения Зминфийскому²¹ Аполлону. Это указание многим понравилось вследствие усердия этого мужа и любви к нему, выдававшемуся среди всего войска; никому из вождей он не досаждал. В остальном жертвоприношение ста голов скота, как и было предписано, совершалось от имени всего войска под руководством Хриса, жреца этой местности. Между тем, узнав об этом, Александр, собрав вооруженный отряд, явился, чтобы помешать церемонии. Прежде чем он приблизился к храму, два Аякса обратили его в бегство, перебив многих из отряда. Но Хрис (как мы выше сказали, жрец Аполлона Зминфийского), боясь нападения со стороны обоих войск, делал вид, что он союзник тех, кто к нему приходил от той или от другой стороны. Между тем во время этого жертвоприношения Филоктета, стоявшего недалеко от алтаря, ужалила змея. Когда все, кто это увидел, подняли крик, прибежавший Улисс убивает змею; и немногим позже Филоктета вместе с немногими сопровождающими посылают для исцеления на остров Лемнос, так как местные жители говорили, что здесь в святилище бога Вулкана находятся жрецы, умеющие лечить от такого рода ядов²².

15. В то же время Диомед и Улисс, по свойству человеческой души, принимают решение убить Паламеда, так как человек нехороший по отношению к обидчивости и полный зависти, не может допустить, чтобы впереди него был, пусть даже лучший, человек²³. И вот, притворившись, будто хотят разделить с ним найденный в глубокой яме клад, удалив всех посторонних, они убеждают, что лучше всего, если он спустится в яму; не боясь никакого коварства, придерживаясь за веревку, он туда спускается; тогда они его туда сбрасывают и, схватив камни, которых много лежало кругом, они заваливают его ими сверху. Так недостойно погиб лучший муж, любимый в войске, чьи совет или доблесть никогда не пропадали даром. Но были люди, говорившие, что Агамемнон плохо прислушивался к советам Паламеда, зная о любви его к войску, и тайно утверждавшие, что поэтому большая часть охотно согласилась бы передать власть от царя Паламеду. Итак, все греки устроили ему сожжение на огне как бы в виде публичных похорон, и прах его был погребен в золотой урне.

16. Между тем, Ахилл, считая, что соседние с Троей города являются помощниками и как бы рассадниками войны, нападает с несколькими кораблями на Лесбос, захватывает его без всякого труда и убивает царя Форбанта, замышлявшего много против греков, а дочь его Диомедею уводит с большой добычей²⁴. Затем, уступая требованию всех своих, нападает большими силами на города Скир и Гиераполь, наполненные всякими богатствами, и в несколько дней разоряет их без всякого затруднения. На том пути, которым он продолжил идти, поля, богатые ввиду постоянного мира, были разграблены и подвергнуты всяческим мучениям и ничего, что казалось дружественным троянцам, не было оставлено неразрушенным или неопустошенным. Увидев это, соседние народы добровольно обращаются к Ахиллу с предло-

²¹ Зминфийскому – правильное: Сминфейскому.

²² Весь эпизод, составляющий содержание этой главы, – изобретение Диктиса. При жертвоприношении Аполлону Хрис ни в чьей помощи не нуждался, а Филоктет был укушен змеей еще до высадки греков на троянской земле (см. "Киприи" и трагедию Софокла "Филоктет").

²³ О зависти Одиссея к Паламеду писал еще Ксенофонт (Воспом. о Сократе. IV. 2, 33). Одиссей возненавидел Паламеда, когда тот разоблачил его попытку уклониться от участия в Троянской войне, и построил его осуждение на смерть, о чем сообщалось уже в «Киприях» и в посвященных Паламеду трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида. Диомед к этому эпизоду никакого отношения не имел. По сообщению Павсания (X. 31. 2), была в «Киприях» и другая версия о гибели Паламеда: его утопили Одиссей и Диомед, когда он шел удить рыбу. Возможно, реминисценцией этого мотива и было изложение Диктиса, в остальном малоправдоподобное: если Паламед был завален камнями в глубокой яме, как узнали об этом в войске?

²⁴ О нападении Ахилла на окрестные города сообщалось уже в "Киприях" и неоднократно – в «Илиаде»: II. 691–694; VI. 414–427; XIX. 60, 291–296; XX. 92, 191–194. Детали принадлежат Диктису.

жением мира и, условившись отдавать ему половину урожая, чтобы он не разорял их полей, дают заверения в мире и получают от него такие же. По совершении этого Ахилл возвращается к войску с великой славой и добычей. В то же самое время скифский царь, узнав о прибытии наших, явился со многими дарами.

17. Впрочем, Ахилл, неудовлетворенный своими подвигами, нападает на киликийцев, и здесь он после нескольких дней битвы взял город Лирнес. Убив затем Эетиона, который правил в этих местах, Ахилл наполняет корабли большой добычей и увозит дочь Хриса Астиному, которая в то время была замужем за царем²⁵. Вскоре он начал осаждать город лелегов Педас. Их царь Брис, видя, как наши свирепствуют при осаде, и поняв, что не может никакой силой помешать врагам или быть достаточной защитой своим, потеряв надежду на бегство и спасение, вернувшись домой, кончил жизнь, повесившись, в то время как остальные напрягали силы в борьбе с врагом. Вскоре после этого город был взят, много народу перебито, и царская дочь Гипподамия уведена в плен²⁶.

18. В это же время Аякс, сын Теламона, всячески нападал на Херсонес Фракийский, и когда их царь Полиместор увидел славную доблесть этого мужа, он, не надеясь на свои силы, сдался. Тогда же в качестве платы за мир им был выдан Полидор, младший сын Приама, которого царь втайне от всех отослал к Полиместору на воспитание²⁷. Для умиротворения врагов было дано также достаточно золота и других такого же рода приношений. Затем, пообещав зерна для всего войска на целый год, Полиместор наполняет им грузовые суда, которые Аякс держал при себе для этой цели. После того как Полиместор многократно поклялся в отказе от союза с Приамом против греков, ему были дарованы мир и доверие. По свершении этого Аякс обращается против фригийцев и, вторгшись в их область, убивает в поединке их царя Тевфранта²⁸; спаливши после нескольких дней осады город, Аякс берет большую добычу и увозит царскую дочь Текмессу.

19. Итак, оба вождя, разорив и завоевав много областей, сами славные в своем великолепии громким именем, возвращаются к войску из разных мест, как будто нарочно, в одно и то же время. Затем, собрав через глашатаев всех вождей и воинов и выйдя на середину, выложили каждый на всеобщее обозрение доказательства своих трудов и стараний. Увидев это, греки одарили их величайшей благодарностью и славой и, как они стояли посередине, так и увенчали их оливковыми ветвями. Затем, начав совет по разделу добычи, наиболее влиятельным считают мнение Нестора и Идомея. Итак, по общему согласию из всей добычи, которую привез Ахилл, кроме жены Эетиона Астиномы (как мы выше указали, она была дочерью Хриса), предоставили выбор, из почтения к царю, Агамемнону. Сам же Ахилл удержал при себе, кроме дочери Бриса Гипподамии, Диомедею, так как были они ровесниками и одинаково воспитаны; оторвать их одну от другой без больших страданий было невозможно, и поэтому еще ранее, обнимая колени Ахилла, они с величайшими мольбами просили не разлучать их. Остальная добыча была распределена по людям в соответствии с заслугами каждого. Затем по просьбе Аякса Улисс и Диомед вынесли на середину привезенную им добычу. Из нее царю Агамемнону дают золота и серебра, сколько казалось достаточным; Аяксу за его выдающиеся деяния присуждают Текмессу, дочь Тевфранта. Что оставалось сверх того, делят по людям и распределяют по войску зерно.

20. По завершении этого, в соответствии с договором, заключенным с Полиместором, грекам доставляется выданный Полидор; все решают, чтобы Улисс с Диомедом, отправившись к Приаму, заполучили Елену со всем похищенным и за это передали царю Полидора. И вот, когда они готовились это выполнить, наравне с ними берет на себя обязанность посла и Менелай, ради которого затевалось все это дело²⁹. Итак, удерживая у себя Полидора, послы

²⁵ Насчет того, что дочь Хриса была замужем за царем Лирнеса, источники ничего не сообщают, но в схолиях к «Илиаде» встречаются указания, что она была захвачена в плен в гипоплакийских Фивах, либо будучи соотечественницей Андромахи, либо укравшись там после разорения о-ва Хрисы, либо придя к сестре Эетиона и совершая жертвоприношение Артемиде.

²⁶ По своему обычаю Диктис и здесь выворачивает всю традицию наизнанку: в Лирнесе в плен была взята Брисеида.

²⁷ Об убийстве (а не о выдаче) *Полидора*, и притом в конце войны, и вовсе не греками, а Полиместором, см. *Еврш.* Гек. 1–58, 679–720, 1133–1139; *Вег.* Эн. III. 40–57; *Овид.* Метам. XIII. 429–438. Как участие в этой истории Аякса, так и все остальное (гл. 20, 22, 27) присочинено Диктисом.

²⁸ *Тевфрант* ранее (гл. 3) был назван царем мизийцев; Диктис спутал его, видимо, с фригийским царем Телевтом, чьей дочерью считалась Текмесса. Если же принять версию Диктиса, то Текмессу придется считать сводной сестрой Телефа, на что в традиции нет ни малейшего намека.

²⁹ Второму посольству греков в Трои так же нет аналогии в традиции, как и захвату Полидора.

являются к троянцам. Но когда народ заметил, что приближаются выдающиеся и славные именем мужи, тотчас собираются все старейшины, которым положено было держать совет, при том, что Приама сыновья удерживают дома. Итак, в присутствии остальных греков Менелай произносит речь: во второй-де раз он пришел по одному и тому же делу. Хотя и много совершено всего прочего против него и его дома, особенно он жалуется с протяжными вздохами на сиротство дочери из-за отсутствия матери – все это произошло от действий его прежнего друга и гостеприимца и вовсе не заслужено со стороны Менелая. Слыша эту безутешную жалобу, сопровождаемую слезами, старейшины соглашаются со всем сказанным, как если бы они были соучастниками этого оскорбления.

21. После него Улисс, став посередине, произнес такого рода речь: «Я думаю, вы, троянские старейшины, достаточно хорошо знаете, что греки обычно на начинают ничего безрассудно, ничего – без предварительного обсуждения, и всегда их предки делали все так предусмотрительно и старательно, что их действиям сопутствовала скорее слава, чем обвинение. Но опущу то, что было хорошо обдумано в прошлом, достаточно напомнить о настоящем. Греция, незадолго ранее оскорбленная обидой и поруганием со стороны Александра, не прибегла к силе оружия, что является обычно прибежищем гнева. Ведь, как вы помните, мы с Менелаем по решению совета вождей пришли послами, чтобы получить обратно Елену. Нам же, кроме угроз словом и тайной засады, ничего не досталось от Приама и его царевичей. Коль скоро мы не достигли цели, то следовало, как я полагаю, взяться за оружие и силой отнять то, чего никак нельзя было добиться по-дружески. Итак, снарядив войско и собрав столько выдающихся и славных вождей, мы все же не замыслили против вас войны, но, соблюдая наш обычный умеренный нрав, пришли к вам снова с просьбой по одному и тому же делу. Пусть дальнейшее зависит от вас, троянцы, и вам не будет стыдно уступить нам³⁰, если вы находитесь в здравом уме, и исправить принятое раньше дурное решение, заменив его благим.

22. Ради бессмертных богов, взвесьте в уме, какая бойня и как бы зараза охватит весь мир на основании этого примера! Ибо кто после этого в деле, требующем мужества, вспомнив поступок Александра, не будет вынужден бояться козней со стороны друга и подозревать его во всем? Какой брат предоставит брату доступ в свой дом? Кто не станет остерегаться гостя или родственника, как врага? Наконец, если вы, чего я вовсе не ожидаю, это одобрите, то у греков и у варваров лишатся благочестия все договорные права. Поэтому, троянские старейшины, хорошо и полезно было бы грекам, получив обратно все, что отторгнуто силой, по-дружески и как подобает вернуться домой и не дожидаться, пока два, самых дружественных между собой царства скрестят оружие. Когда я об этом думаю, то, клянусь Геркулесом, считаю плачевной вашу долю – тех, кто, будучи совершенно непричастен к этой вине, вскоре должен будет понести наказание за чужое преступление, порожденное похотью немногих. Или вы одни не знаете, как повержены соседние и дружественные вам города и что со дня на день готовится остальным? Вам известно³¹, что Полидор взят в плен и находится в руках у греков. Если Елена со всем похищенным будет возвращена, то Полидор может быть отдан нетронутым Приаму; в другом случае войны не избежать, и конца ей не будет, пока либо все греческие вожди, из которых каждый в состоянии разорить ваш город, примут смерть, либо, на что я больше надеюсь в будущем, Илион будет захвачен и сожжен, оставив потомкам пример вашего бесчестия. Поэтому, пока дело целиком в ваших руках, подумайте не один раз».

23. По окончании речи Одиссея среди всех воцарилось долгое молчание, как обычно бывает в таких случаях, когда каждый считает себя менее влиятельным советчиком и все ожидает, пока выскажет свое мнение другой. Затем Панф говорит громким голосом: «Перед теми, Улисс, держишь речь, у которых, кроме желанья, нет никакой возможности исправить дело». Потом после него Антенор: «Все, что вы упомянули, мы воспринимаем со знанием и пониманием, и нет у нас недостатка в желании обсуждать дело, если бы была дана возможность. Но, как видите, высшей властью владеют другие, для которых любовная страсть важнее пользы». Сказав так, он приказывает тотчас ввести по порядку всех вождей, которые привели войска на помощь Приаму из дружбы с ним или побужденные вознаграждением. Когда они вошли, Улисс произнес вторую речь, называя злейшими врагами и достойными Александра тех, кто, изменивши добру и чести, поддерживают виновника отвратительного преступления. И ведь каждый понимает, что если такая жестокая несправедливость будет поощрена, то дурной пример распространится среди людей, и те, кто находится совсем недалеко, сами последуют ему, совершая нечто подобное или еще более тяжкое. Все молча взвешивают про себя в уме эти

³⁰ Переведено по чтению: *vos...nobis*, содержащемуся в трех рукописях XI в. и дающему более удовлетворительный смысл, чем *pos...vobis* – в других.

³¹ *Вам известно.* – Судя по тексту (II. 20), посольство взяло с собой Полидора.

жестокие слова; с отвращением думая о такого рода примере и взволнованные недостойными деяниями. Затем, после опроса в обычном порядке мнения старейшин, с общего согласия решают, что Менелай недостойно потерпел оскорбление; только один из всех, Антимак высказывается против всех в защиту Александра. Тотчас из числа старейшин были избраны двое, чтобы послать их с извещением обо всем к Приаму; в том числе им было поручено уведомить его о Полидоре.

24. Когда Приам узнал об этом, он, совершенно потрясенный известием о сыне, на глазах у всех рухнул наземь. Затем, приведенный в сознание окружающими, понемногу поднимается, хочет идти в совет, но царевичи его не пускают. Сами они, оставив отца дома, врываются в совет, в то время как Антимак, наговорив много дерзких слов, оскорбительных для греков, предлагал отпустить Менелая домой, если вернут Полидора; в крайнем случае предусмотреть для обоих послов тот же гибельный исход. Этому при всеобщем молчании возражает Антенор и отчаянно сопротивляется, чтобы не решились чего-нибудь подобного. После того как потратили много слов «за» и «против» и спор перешел в рукопашную, все присутствующие выкинули из курии Антимакса, объявив его беспокойным смутьяном.

25. Когда же вошли Приамиды, Панф начал с мольбой побуждать Гектора (ибо он считался среди царевичей наиболее доблестным и разумным), чтобы Елену в знак дружбы как можно скорее вернули грекам, поскольку они пришли просителями по этому поводу; и незачем вступать в переговоры с Александром об удовлетворении той любви, которую он, возможно, испытывает к Елене. Пусть всем взорам предстанут присутствующие здесь греческие цари, их храбрые деяния и недавно завоеванная слава при разорении самых дружественных Трое городов. По этой причине и Полиместор совершил отвратительный поступок, выдав грекам Полидора. Значит, надо опасаться, как бы эти упомянутые области, ничего не разведав и ничему не доверяя, не возымели губительных замыслов против Трои, которая окажется в осаде перед лицом противостоящего ей коварства. Если все взвезят в уме, как обстоит дело, и не потерпят, чтобы послы были отосланы обратно, а Елена будет милостиво отпущена, между двумя царствами возрастет еще более тесная порука в дружбе. Выслушав это, Гектор опешил, вспоминая преступление брата, и, заливаясь в горе слезами, все же не помышлял о выдаче Елены, так как она принята в дом как молящая и получила в этом соответствующие заверения³². Если же речь идет о том, что похищено вместе с нею, все должно быть возвращено. Вместо Елены замуж за Менелая может быть выдана со славными дарами Кассандра или Поликсена, – как будет угодно послам.

26. На это Менелай с гневом и резко ответил: «Клянусь Геркулесом, чудесно со мной обходится, если я, лишенный собственной жены, должен по произволу моих врагов менять ее на другую». На это ответил Эней: «Даже и на это не согласимся мы. И я, и остальные близкие и друзья Александра, принимающие участие в его деле, будем возражать и противиться этому. Есть и всегда будут люди, которые охраняют дом и царство Приама, и, потеряв Полидора, Приам не останется бездетным при столь славных сыновьях. Неужели только тем, кто родом из Греции, позволялось подобного рода похищение? Неужели только для Крита было дозволено похитить Европу из Сидона, а Ганимеда – из этих пределов и этого царства³³? А Медея? Или вы не знаете, что она из страны Колхов была увезена в пределы Иолка? И чтобы мне не пропустить первого начала похищений, разве Ио, похищенная из царства сидонян, не была привезена в Аргос? Достаточно мы вели с вами разговоры: если вы тотчас не уберетесь со всем флотом из этих мест, вот тогда уж вы узнаете доблесть троянцев: в изобилии у нас и дома молодежи, опытной в военном деле, и со дня на день растет число вспомогательного войска». Когда Эней кончил говорить, Улисс отвечает спокойной речью: «Клянусь Геркулесом, едва ли для вас целесообразно раздувать и дальше вражду. Стало быть, дайте знак к началу войны, чтобы вы были зачинщиками, как нанося обиды, так и начиная сражение. Если вы нападете, мы последуем вашему примеру». Обменявшись такими речами, послы уходят с совета. А как только в народе рассеялся слух о том, что говорил послам Эней, рождается возмущение: из-за него-де будет разрушен дом Приама из ненависти к его царству и в качестве страшнейшего наказания за несговорчивость.

27. Итак, послы, возвратившись к войску, излагают перед всеми вождями, что было сказано и сделано троянцами по отношению к ним. Поэтому принимают решение казнить Полидора на виду у всех перед самыми стенами, и исполнение не откладывается надолго. Выводят

³² См. выше, I. 9.

³³ *Похитить Европу или Ганимеда*. – Похитителем в обоих случаях был Зевс (Юпитер), так что претензии в этой связи к грекам лишены основания.

Полидора, при том что со стен наблюдает множество врагов, и он под градом камней искупает нечестивость брата. Вскоре посылают одного из глашатаев к троянцам, чтобы они позаботились о погребении Полидора. Посланный для этого из Трои Идей с царскими рабами относят разорванное и изуродованное камнями тело Полидора его матери Гекубе.

Между тем Аякс, чтобы не давать покоя соседним с Троей и дружелюбным ей областям, захватывает Питию и Зелею³⁴, города, славные богатством, напад на них, как на врагов, и, не удовлетворившись ими, с невероятной быстротой разоряет Гаргар, Арисбу, Гергифу, Скеписис, Лариссу. Затем, извещенный жителями, что на горе Иде содержится множество всякого рода скота, он по требованию всех, кто его сопровождал, напад с ходу на гору и перебив находившихся при стадах сторожей, угоняет огромное количество скота. Затем, не встречая никакого сопротивления и обратив в бегство всех, кто пытался ему противостоять, Аякс в удобное для него время возвращается с большой добычей к своим.

28. В это же время Хрис (как мы выше упоминали, жрец Зминфийского Аполлона), узнав, что его дочь Астинома находится у Агамемнона, приходит к кораблям, рассчитывая на уважение к такому божеству, неся перед собой лик бога и кое-что из украшений его храма, чтобы тем легче напоминанием о присутствии божества внушить царям почтение к себе. Затем, предложив много даров в золоте и серебре, молит о выкупе дочери, заклиная, чтобы греки прославили присутствие бога, который пришел вместе с ним просить их за своего жреца. Кроме того напоминает, что со стороны Александра и его родственников со дня на день готовятся против него враждебные действия из-за совершенного им несколько раньше жертвоприношения³⁵. Когда вожди услышали это, все решили, что дочь надо вернуть жрецу и не принимать за это награды, так как, будучи нашим верным другом и особенно из почтения к Аполлону, он не заслуживает ничего другого, кроме уважения. Ведь цари на основании многих свидетельств и мнения жителей установили, что Хрис во всем следует воле этого божества.

29. Узнав об этом, Агамемнон идет против всеобщего мнения. С жестоким выражением лица, пригрозив жрецу гибелью, если он не уйдет, Агамемнон изгоняет из войска перепуганного старика, ничего не добившегося и боящегося худшего. Таким образом, собрание царей было распушено, и они поодиночке приходят к Агамемнону и осыпают его упреками, так как он из-за любви к пленнице выказал презрение к ним и, что представляется совершенно недостойным, к столь влиятельному богу. Из-за этого все вскоре с проклятиями покидают его, вспоминая Паламеда, которого-де не без ведома Агамемнона, завлекши обманом, погубили Диомед и Одиссей, хоть и был он очень любим и угоден войску. Впрочем, Ахилл поносил Агамемнона ругательствами при всем народе³⁶.

30. Итак, Хрис, потерпев оскорбление со стороны Агамемнона, ушел домой, и минуло не много дней, как на войско обрушивается ужаснейшая болезнь, вызванная, как всем кажется, гневом Аполлона или по другой причине. Начав свое нашествие со скота, она понемногу все больше и больше усиливается и распространяется на людей. Множество воинов, истощенных губительной болезнью, под конец умирало в невыразимых мучениях. Но никто из царей не умер и даже не был затронут этой бедой. После того как не оказалось никакого средства против болезни и со дня на день погибало все больше народу, все вожди, подавив в себе некий страх, собираются вместе и требуют от Калханта, знающего, как мы упоминали, будущее³⁷, чтобы он назвал причину такой беды. Он, однако, сказал, что знает происхождение этой болезни, но не свободен открыть его кому-либо, из чего получалось, что он может вызвать неприязнь самого могущественного царя. После этого Ахилл добивается от всех царей, чтобы они взаимной священной клятвой подтвердили готовность не считать себя задетыми. Таким образом Калхант, снискав всеобщее благоволение, объявляет о гневе Аполлона: это он, настроенный враждебно к грекам из-за оскорбления его жреца, требует от войска искупления. На вопрос Ахилла о средстве от беды Калхант называет возвращение девы³⁸.

31. Тогда Агамемнон, понимая, что может скоро случиться, покинув молча совет, приказывает своим сопровождающим вооружиться. Когда это замечает Ахилл, то, возмущенный недостойным делом и опасаясь за войско, ослабленное моровой язвой, он велит собрать

³⁴ *Пития*, *Зелея* и упоминаемые далее пункты называются в «Илиаде», кроме *Гергифы* и *Скеписиса* (при том, что *Гаргар* – не город, а мыс на южном склоне горы Иды с храмом Зевса), но без всякой связи с походами Аякса, которые также вымышлены Диктисом.

³⁵ См. выше, гл. 14.

³⁶ *Ахил поносил ругательствами*. – Реминисценция из «Илиады». I. 223–244. Дальнейшие события (гл. 31) подтверждения в традиции не находят.

³⁷ См. I. 15.

³⁸ Если Астинома была супругой царя Этиона (II. 19), то едва ли можно считать ее *девой*.

отовсюду в одно место тела людей, умерших жалким образом, и выставить их на всеобщее обозрение на сходке. Это зрелище так взволновало вождей и весь народ, что все продолжают выступать, под руководством и предводительством Ахилла, против Агамемнона и грозят ему гибелью, если он будет упорствовать. Извещенный об этом царь, то ли из упрямства, то ли из любви к пленнице, готов пойти на крайние меры, лишь бы не отказаться от принятого решения.

32. Когда троянцы узнали о происшедшем и в то же время увидели со стен, как непрерывно сжигают трупы и устраивают похороны, и понимая также, что оставшиеся в живых ослаблены этим вредоносным бедствием, они, побуждая друг друга, вооружаются и, тотчас высыпав из ворот вместе со вспомогательным войском, устремляются на врагов. Затем войско делится в поле на две части, и троянцев возглавляет Гектор, вспомогательное войско – Сарпедон. Тут наши, увидев перед собой вооруженного и выстроившегося для схватки противника, располагают воинов в один ряд, поделив фланги между вождями: правый заняли Ахилл с Антилохом, на левом хлопотали Аякс Теламонов с Диомедом, середину взяли себе другой Аякс и наш вождь Идомей. Построенные таким образом войска устремляются навстречу друг другу, а как дело дошло до рукопашной, оба строя сражаются с ожесточением, и стоящие рядом ободряют друг друга. Битва продолжается некоторое время, причем погибает много народа с обеих сторон; особенно же отличаются у варваров Гектор и Сарпедон, у греков – Диомед с Менелеем. Наконец, ночь прервала сражение, дав обоим отдых обоим сторонам. Итак, отведя войско, наши погребают своих, предав тела их огню.

33. По свершении этого греки между собой решают поручить ведение всех дел Ахиллу, который при враждебных для них обстоятельствах выказывал особую обеспокоенность. Но Агамемнон, боясь потери своего царского достоинства, произносит в совете следующую речь: он особенно близко принимает к сердцу беду войска и больше не отказывается от возвращения отцу Астиномы, особенно, если благодаря этому греки избегнут наступившей гибели, и не надо больше ни о чем его просить, если только взамен он получит как дар, возмещающий утерянный почет, Гипподамию, находящуюся при Ахилле. Хотя это требование показалось всем жестоким и недостойным, однако оно было удовлетворено с согласия Ахилла, кому Гипподамия была наградой за многие выдающиеся деяния. Такая любовь к войску и забота о нем владели душой выдающегося юноши³⁹. Итак, вопреки всеобщему желанию, хотя никто и не выказывал его открыто, Агамемнон приказывает ликторам забрать у Ахилла Гипподамию, как если бы все были с этим согласны. Между тем Диомед с Улиссом по поручению греков отвели Астиному с большим количеством жертвенных животных к алтарю Аполлона, и, по совершении жертвоприношения, болезнь, как видно, стала понемногу успокаиваться: здоровых она не трогала, а те, кто был ею поражен, стали как бы по воле божества выздоравливать, надеясь на облегчение. Так вскоре во всем войске восстановились обычные силы и здоровье. Также и Филоклету посылают на Лемнос долю добычи, привезенной Аяксом и Ахиллом и распределенной по людям.

34. Впрочем, Ахилл, помня о вышеназванной обиде, решил отказаться от участия во всенародных собраниях главным образом из ненависти к Агамемнону и потери той любви, которой пользовался у греков, – имеется в виду, что из-за их попустительства несправедливо отобрали у него Гипподамию, которую отдали ему в качестве награды за труды после стольких ратных побед и храбрых деяний. И он не допускает до себя пришедших вождей и не прощает никому из друзей, что они покинули его, хотя можно было защитить от поношения со стороны Агамемнона. Итак, оставаясь в палатке, Ахилл удерживал при себе Патрокла, Феника и возницу своего Автомедонта; первого – как послушного долгу дружбы, второго – из уважения к наставнику.

35. В это же время в Трое стало назревать возмущение в войске союзников и среди предводителей вспомогательных отрядов, приведенных за плату; то ли они тяготились, что напрасно тратят столько времени, то ли вспоминали своих, оставшихся дома. Заметив это, Гектор по необходимости приказывает воинам вооружиться и быть готовыми следовать за ним по данному сигналу. Когда время показалось подходящим и ему сообщили, что все вооружились, приказывает выступить; сам он идет как вождь и полководец.

Как видно, требуется назвать царей – тех, кто поддерживал царство Приама как союзники и друзья, а также предводителей наемников, завербованных за плату как вспомогательное войско в различных областях⁴⁰. Первым вырвался за ворота Пандар, сын Ликаона, из Ликии,

³⁹ Юноши. – В оригинале *adulescens*, понятие, предполагавшее возраст от 15 до 30 лет.

⁴⁰ Следующий затем перечень союзников в целом соответствует каталогу их у Гомера (Ил. II. 816–877), за исключением фратрий Пира и Асия, брата Гекубы, которого Гомер считает троянцем. Ср. также: *Аполлод.* Эпит. III. 34–35.

затем Гиппофой, + сын Пилея + из пеластической Лариссы, Акамант+ ... +, Пир из Фракии, за ними – трезенец Евфем⁴¹, командуя киконами, пафлагонец Пилемен, славный отцом Мелием, Одой и Эпистоф, сыновья Минуя, цари олизонов, Сарпедон, сын Ксанфа, правитель ликийцев из Солема, Наст и Амфимах, сыновья Номиона, из Кари, Антиф и Месфл, сыновья Талемена, меонийцы; Главк ликиец, сын Гипполоха, которого Сарпедон взял себе в союзники в войне, так как среди всех в его стране он больше всего ценился советом и мужеством; Форкис и Асканий, фригийцы, Хромий и Энном, мигдоны из Мизии, Пирехм, пеониец, сын Аксия, Амфий и Адраст, сыновья Меропа из Адрестии, Асий, сын Гиртака, из Сеста, затем другой Асий, сын Диманта и брат Гекубы, из Фригии. Из всех, кого мы упомянули, сопровождали многие воины с разными нравами, различные по языку, привыкшие вступать в сражение без всякого порядка.

36. Когда наши это⁴² заметили, то, выступив по военному обычаю в поле, строят войско под началом и руководством афинянина Менесфея, распределяют же его по народам и отдельным областям, при отсутствии мирмидонского войска во главе с Ахиллом. Ибо он, хотя и не смягчился душой из-за обиды, нанесенной ему Агамемноном и лишения Гипподамии, очень негодовал, что остальных вождей пригласили на пир, а его одного пропустили, вызвав тем самым презрение к нему. Между тем, войско было расположено в порядке, но тогда впервые, хоть все отряды стояли против построившегося противника, ни одна сторона не отваживалась завязать сражение; после того как воины, как бы намеренно, немного простояли на месте, с обеих сторон дают сигнал к отступлению.

37. Уже греки, вернувшись к кораблям, начали разоружаться и все, на своих обычных местах, готовиться к еде, как Ахилл, желая отомстить за обиду, пытается тайно напасть на наших, не подозревающих о его замысле и поэтому беспечных⁴³. Улисс, узнав от стражи, которая предчувствовала нападение, срочно обегает вождей, громким голосом предупреждает их и призывает, взявшись за оружие, оберегать своих; затем открывает каждому, что задумал Ахилл. Когда об этом становится известно, поднимается страшный крик, все торопятся вооружиться, и каждый оценивает происходящее по-своему. Поскольку известие о намерении Ахилла предварило его исполнение и он видит, что все вооружены и попытка его обречена на неудачу, он, не достигнув цели, возвращается в палатку. Вскоре наши вожди, сообразив, что троянцев мог взволновать донесшийся от нас шум и они снова что-нибудь предпримут, посылают для усиления стражи обоих Аяксов, Диомеда и Улисса. Они распределяют между собой направления, на которых врагам был открыт доступ, и мера эта была не напрасной: в Трое Гектор, желая разузнать причину нашего смятения, посылает сына Евмеда Долона, соблазненного в конце концов многими обещанными наградами, на разведку происходящего у греков, и тот, усиленно стремясь выведать неизвестное недалеко от кораблей и удостовериться в выполнении взятой на себя задачи, попадает в руки Диомеда, который охранял это место вместе с Одиссеем. Схваченный ими, Долон во всем признается и принимает смерть.

38. Затем несколько дней проходит в бездействии, и оба войска готовятся к продолжению боев. Поделив между собой поле, которое лежит посередине между Троей и кораблями, тщательно вооруженные войска, когда сошли время подходящим для сражения, выступают с обеих сторон. Затем, по данному сигналу, сходятся строем на строй плотно сомкнутыми рядами; греки – слаженно и следуя каждый отдельно данным приказам вождей, варвары же обрушиваются на них без всякого подобия порядка. В остальном, в этой битве было много убитых с обеих сторон, так как никто не отступал перед нападавшими и каждый стремился, по примеру стоящего рядом с ним, сравняться с ним славою. Между тем, вынуждены были покинуть поле битвы тяжелораненые из числа вождей со стороны варваров – Эней, Сарпедон, Главк, Гелен, Евфорб, Полидамант, из наших – Улисс, Мерион, Евмел.

39. Затем Менелай, случайно узрев Александра, обрушился на него всей силой; тот, не в состоянии выдержать натиск, избегает его и пускается в бегство. Как только это заметил Гектор, он подбегает к Александру вместе с Деифобом, и они, стыдя брата и понося его бранью и жестокими проклятиями, в конце концов вынуждают вернуться в гущу битвы и вызвать того же Менелая на поединок без всякого участия остальных⁴⁴. Итак, возвращенный в битву

⁴¹ Командир живших на фракийском побережье киконев Евфем никак не мог быть трезенцем; у Аполлодора он назван сыном Трезена, что гораздо вероятнее.

⁴² Это. – Разумеется, не перечисления вождей, а их выход на поле боя.

⁴³ Тайно напасть на наших. – Намерения Ахилла здесь, как и подозрение его в предательстве впоследствии (IV. 10), не имеют никакой поддержки в традиции.

⁴⁴ Вызвать Менелая на поединок. – Ср. Ил. III. 15–75.

Александр выступает перед строем, что представляется признаком вызова. Менелай, как только завидел его издали, полагая, что именно теперь представился самый удобный случай напасть на своего злейшего врага, и уверенный, что он вот-вот смоет его кровью оскорбление, всеми силами устремляется против него. Но тут он видит, что друг против друга направляется вооруженное войско, с обеих сторон готовое к сражению; по данному сигналу все отступают⁴⁵.

40. И вот оба, наступая быстрым шагом, сходятся на расстояние броска копья, когда Александр, желая опередить противника и рассчитывая найти место, куда удобно нанести рану копьем, мечет его и слегка задевает щит Менелая; тогда тот с огромной силой бросает копье примерно с таким же результатом: противник уже приготовился остеречься удара и наклонился, и копье вонзается в землю. Вооружившись новыми копьями, противники продолжают сражение. Наконец Александр падает, раненный в бедро, и сражение позорнейшим образом прерывается, чтобы не дать врагу возможности для отмщения с величайшей славой. А именно, когда Менелай, обнажив меч, бросился, чтобы убить врага, он был ранен из потайного места стрелой Пандара⁴⁶ и отступил в самый момент нападения. Соответственно с нашей стороны поднимается страшный крик: все негодуют, что поединок неожиданно был позорнейшим образом прерван троянцами, в то время как друг против друга выступили те двое, из-за которых разгорелась война. Со своей стороны, толпа варваров, прорвавшись, уносит Александра.

41. Между тем, пока наши в замешательстве колеблются, Пандар, стоя вдали, поражает много греков стрелами, и конец этому был положен не раньше, чем Диомед, возмущенный жестоким поступком и выйдя вперед, уложил врага наповал ударом копья. Таким образом, Пандар, нарушив условия единоборства и перебив поэтому много народу, наконец искупил вину своего преступнейшего воинского поведения. Тело его, вырученное из ряда сражающихся, Приамиды предают огню, а останки его товарищи отнесли в родную землю Ликии. Между тем, оба войска по данному сигналу вступают в рукопашную и, сражаясь с величайшим напряжением и переменным успехом, продолжают битву до захода солнца. С наступлением ночи с обеих сторон, отведя войско на небольшое расстояние, выставили надежную стражу. Так, выжидая несколько дней подходящее время для военных действий, они часто напрасно держали войско вооруженным. Ибо с приближением зимы, когда частые ливни стали заливать поля, варвары ушли за стены. А наши, так как никакой враг не подступал к кораблям, распределяют обязанности на зиму: разделив надвое ту часть поля, которая не использовалась для сражения, начинают пахоту в обеих половинах, а также заготовку зерна и всего другого, что позволяло время года. Между тем Аякс Теламонов, собрав приведенных с собой воинов и добавив также некоторых из войска Ахилла, напав на области Фригии, многие из них, как враждебные, опустошает, захватывает города и, немного дней спустя, возвращается к войску как победитель, нагруженный добычей.

42. Примерно в те же дни варвары приготовились к вылазке, так как наши из-за зимних условий сохраняли спокойствие и не подозревали ничего со стороны врага; вождем троянцев, вдохновлявшим в них отвагу, стал Гектор. На рассвете он одновременно выводит все вооруженное войско из ворот и велит тотчас на полном бегу достичь кораблей и напасть на врагов. Греки находились тогда не в полном числе и не заботились о том, чтобы вооружаться; они были застигнуты врасплох, и те, на которых первыми напал противник, обратились в бегство. Тем не менее они схватились за оружие, пытаясь противостоять врагам, и много народу погибло. Гектор, прорвав центр наших, подступил к кораблям, стал метать на них огонь и свирепствовать, поджигая их, причем никто из наших не осмеливался ему сопротивляться. Испуганные и изнуренные неожиданным смятением, они обнимали колени Ахилла, хоть он и отклонял их мольбы⁴⁷. Так неожиданно изменилось состояние духа у наших и у врагов.

43. Между тем, вернувшийся Аякс, узнав, что Гектор в великолепном вооружении воюет у кораблей, явился туда же и, тесня врага громадой своего тела, в конце концов с величайшим усилием отбил его от кораблей за пределы вала. Здесь он, ожесточенно надвигаясь на отступающих, повергает на землю ударом огромного щита смело ему противостоящего Гектора. Сбежавшиеся отовсюду во множестве троянцы прикрывают его и выносят из боя, вырывая из рук Аякса. Они уносят его, полуживого, внутрь стен, и, таким образом, вылазка его против врагов оказалась малоуспешной. В остальном Аякс, еще больше рассвирепев, что из рук его вырвали славу, преследует испуганных и рассеянных врагов, присоединив к себе Диомеда

⁴⁵ *Все отступают.* – Т.е. освобождают место для единоборства.

⁴⁶ *Выстрел Пандара у Гомера имеет целью не спасение Париса, а нарушение перемирия:* Ил. IV. 86–126.

⁴⁷ *Отклонял их мольбы.* – Диктис соединяет в обратном порядке два эпизода из «Илиады»: наступление троянцев на корабли (XIII. 1–75) и посольство к Ахиллу (IX. 182–429).

с Идомением и другим Аяксом, и теперь издает сражает копьем бегущих, либо убивает, захватив их, так что в этой части битвы никто не уцелел. В такой панической обстановке Главк, сын Гипполоха, Сарпедон и Астеропей, отважившись сопротивляться врагу, чтобы хоть немного задержать его, скоро покинули поле боя, будучи ранены. При их отступлении варвары, рассеянные и бродившие безо всякого порядка, поняв, что без предводителей не осталось никакой надежды на спасение, помчались к воротам, и вследствие того, что множество спешивших укрыться затрудняло вход в них, люди падали один на другого, как при обвале, да еще сзади настигал их Аякс с упомянутыми выше вождями. В панической свалке тогда погибло, убивая друг друга, множество варваров, и среди них из сыновей Приама Антиф и Полит, Паммон и Местор, а также трезенец Евфем⁴⁸, выдающийся вождь киконцов.

44. Так троянцам, бывшим победителями, с приходом Аякса изменило военное счастье, и отступлением вождей они искупили вину безрассудной войны. После того как с наступлением вечера нашим был дан сигнал к отступлению, радостных победителей, вернувшихся к кораблям, приглашают к Агамемнону на пир. Здесь царь славит Аякса и чествует его замечательными дарами. И остальные вожди не обходят молчанием подвиги и деяния этого мужа, превознося его доблесть и вспоминая свидетельства его храбрости: он разорил столько фригийских городов, привез добычу и, наконец, вступив в славную битву с Гектором у самых кораблей, спас флот от пожара. Ни для кого не было сомнения, что в это время, при стольких и столь выдающихся и прекрасных его подвигах, все надежды и силы похода держатся на этом муже. Между тем кормы двух кораблей, которые брошенный на них огонь повредил только частично, Эпей в скором времени поправил. Тогда греки, полагая, что троянцы после той несчастной для них битвы больше уже не осмелятся ничего предпринять, спокойно и без страха проводили время.

45. В это же время Рес, сын Эиона⁴⁹, тесно связанный дружбой с Приамом, за условленную плату подошел с большим войском фракийцев. Он пришел уже вечером, немного замедлив у полуострова, который расположен перед городом, соединяясь с его материком⁵⁰, и, вступив на Троянскую равнину примерно во вторую ночную стражу⁵¹, остановился и разбил палатки. Когда это издали заметили Диомед с Улиссом, несшие сторожевую службу с этой стороны, они решили, что это – троянцы, посланные Приамом на разведку, и, вооружившись, ступая бесшумно, осматривая все внимательно, они направляются к этому месту. Здесь они убивают утомленных походом и объятых крепким сном стражей и, проникнув вглубь (лагеря), они убивают в палатке самого царя. Затем они уводят к кораблям его колесницу и коней с замечательными украшениями, решив, что не следует дерзать на большее⁵². Итак, остаток ночи они проводят, отдыхая, каждый в своей палатке. На рассвете они собирают остальных вождей, показывая им плод смело выполненного дела. И вскоре, полагая, что варвары, воспламененные убийством царя, пойдут в наступление, вожди приказывают, чтобы все тщательно вооружались и ожидали врага.

46. Когда немного позже фракийцы, пробудившись ото сна, увидели, что царь убит и позорное дело совершено в палатке, а следы от увезенной колесницы очевидны, они тотчас в полном беспорядке, сбившись, как попало, в кучи, кидаются к кораблям. Увидев их издали, наши, сплотив ряды и подчиняясь приказу, идут навстречу. А два Аякса, выйдя немного вперед, первыми нападают на фракийцев и теснят их. Затем остальные вожди, каждый на своем месте, убивают врагов поодиночке, а там, где они стояли, сплотившись, собравшись по двое и больше стали рассеивать их своим наступлением и быстро рассеявшихся и блуждающих (без порядка) избивать, так что никого не осталось в живых. И тотчас греки, истребив шедших против них, по данному сигналу устремляются к их палатке. Оставшаяся у лагеря стража, увидев против себя врага и жалким образом перетрусив со страха, бросив все, убегает под защиту стен. Тогда наши, ворвавшись со всех сторон, расхищают оружие, лошадей, царское имущество, – словом, что каждому удалось.

47. Таким образом, греки, уничтожив фракийцев вместе с их полководцем, отягощенные добычей, со славой уходят к кораблям, между тем как троянцы, наблюдая за этим со стен,

⁴⁸ *Трезенец Евфем*. – См. гл. 35 и прим.

⁴⁹ *Сын Эиона*. – Правильнее: Эионей.

⁵⁰ Не вполне понятное место. Полуостров на пути из Фракии в Трою – южная оконечность Херсонеса Фракийского, отделенного от Трои Геллеспонтом. Таким образом, «соединяться с ее материком» он никак не может. Мог ли не знать этого автор греческого оригинала?

⁵¹ *Во вторую стражу*. – Т.е. между девятью часами вечера и полночью.

⁵² Рассказ об убийстве Реса восходит к Ил. X. 470–531 и приписываемой Еврипиду трагедии «Рес». См. также *Аполлод.* Эпит. 4. Контрнаступление фракийцев добавлено Диктисом.

не осмеливаются предпринять что-нибудь ради союзников, а только в страхе пребывают внутри города. Итак, варвары, сломленные столькими неблагоприятными обстоятельствами, посылают к грекам послов с просьбой о перемирии, и скоро наши, одобрив их условия и совершив жертвоприношение, подтверждают верность миру. Почти в то же время в войско приходит Хрис, которого мы выше упоминали как жреца Зминфийского Аполлона, с благодарностью за то, что наши благосклонно обошлись с возвращенной ему дочерью, и за такое почетное отношение он вручает ее, приведя с собой, Агамемнону, поскольку узнал, что с ней обращались, как со свободной. Немного погодя Филоктет вместе с теми, которые отвезли ему часть добычи, возвращается с Лемноса, хоть и слабый и с недостаточно твердой походкой.

48. Между тем, во время совещания, происходящего у греков, Аякс Теламонов, выйдя на середину, заявляет, что надо отправить к Ахиллу послов, дабы они от имени вождей и войска попросили его отказаться от гнева и вернуться к обычной дружбе со своими; ведь меньше всего следует выказывать пренебрежение такому мужу, и теперь особенно, когда греки, бывшие и раньше победителями, находятся в выгодном положении и просят его не ради пользы, но ради заслуженного им почета. В этой связи просят также Агамемнона, чтобы он приложил усилия и проявил охоту при исполнении этой задачи: ведь в такое время надо обдумывать все сообща, особенно вдали от дома, в чужих и враждебных местах, ибо иначе, как в согласии, они не будут чувствовать себя в безопасности перед лицом таких тяжелых сражений и среди враждебных им повсюду областей⁵³. Когда Аякс кончил свою речь, все вожди хвалят его совет и одновременно превозносят его с похвалой до небес, — разумеется, потому, что он превосходит всех как доблестью, так и разумом. После этого Агамемнон заявляет, что он и раньше неоднократно посылал людей к Ахиллу⁵⁴ с предложением о перемирии и теперь настроен не иначе. И вскоре просят Улисса и самого Аякса взять на себя это поручение и пойти к Ахиллу от имени всех: казалось вероятным, что он как близкий родственник⁵⁵ легче добьется снисхождения. Итак, оба они обещают свое содействие, и с ними по собственному желанию готов пойти и Диомед.

49. По завершении этого Агамемнон велит ликторам привести жертвенное животное, и вот двое по приказу держат его навесу над землей, а Агамемнон извлекает из ножен меч и, разрубив жертву пополам, кладет на виду у всех, как поделил. Затем, держа в руке окровавленный меч, становится посередине между двумя ее половинами. Между тем, Патрокл, узнав, что готовилось, пришел в совет, и царь, вошедший, как мы выше говорили, посередине жертвы, под конец клянется, что до сего дня не прикасался к Гипподамии; он зашел так далеко не из какого-нибудь влечения к ней или страсти, а из-за гнева — в этом состоянии совершается много плохого. К этому Агамемнон добавляет, что он, кроме того, хочет, если самому Ахиллу это угодно, выдать за него замуж ту из дочерей, которая придется ему по душе, и присоединяет к этому десятую часть всего царства и 500 талантов в качестве приданого. Когда члены совета это услышали, они стали восхищаться благородством царя и больше всех — Патрокл, обрадованный получением такого богатства и особенно утверждением, что Гипподамия осталась нетронутой. Он приходит к Ахиллу и передает ему все, что видел и слышал.

50. Пока Ахилл прикидывает в уме и размышляет наедине с собой об услышанном, является Аякс вместе с вышеназванными. Пришедших Ахилл благосклонно приветствует, просит всех садиться, Аякса же — рядом с собой. Тот, выждав подходящее время для разговора, по-семейному и поэтому более вольно начинает обвинять его и упрекать, что при столь серьезной опасности для своих он несколько не отрекся от гнева и смог допустить избиение войска, хотя многие друзья и свойственники молили, обняв его колени. После Аякса Улисс говорит, что прошедшее — дело богов, их же долг — изложить по порядку, что происходило в совете, что пообещал Агамемнон и в чем он поклялся; под конец Улисс просит, чтобы Ахилл не пренебрег ни всеобщей мольбой, ни предложенным браком; тут же он перечисляет все то, что было доставлено вместе с ним.

51. Тогда Ахилл, начав длинную речь, прежде всего напоминает о совершенных им подвигах, затем указывает, сколько он принял трудов ради всеобщей пользы, сколько захватил городов, напав на них, как с началом войны при всеобщем бездействии дни и ночи проводил в беспокойстве и напряжении и, не щадя ни своих воинов, ни себя самого, тем не менее отдавал обычно войску принесенную добычу. За все это выбрали его одного из всех, чтобы обесчестить столь

⁵³ Среди враждебных им областей. — Судя по ранее сказанному, большинство окрестных областей уже не было способно на какие-либо враждебные действия против греков. Ср. ниже, III. 1.

⁵⁴ Неоднократно посылал людей к Ахиллу. — В традиции нет подтверждения такой инициативы Агамемнона.

⁵⁵ Как близкий родственник. — Аякс и Ахилл — двоюродные братья, внуки Эака.

неслыханным оскорблением; к нему одному отнеслись с таким презрением, что позорно отняли Гипподамию, бывшую наградой за столько трудов; и виноват в этом не один Агамемнон, но особенно остальные греки, которые обошли молчанием это поношение Ахилла, позабыв о его благодеяниях. Когда он кончил говорить, Диомед сказал: «Нужно оставить говорить о том, что прошло, и для благоразумного человека не следует вспоминать о прошлом, раз уж его не вернешь, как бы ты ни хотел». Между тем, Феникс и вместе с ним Патрокл, обступив Ахилла, целуют его щеки, все лицо и руки, касаются колен, чтобы он вернул просящим свое расположение и отказался от гордости как из-за тех, которые пришли просить его, так особенно ради всего остального войска, так (всегда) хорошо относящегося к нему.

52. И вот, наконец, Ахилл, сломленный присутствием таких мужей, просьбами своих близких, состраданием к невинному войску, в конце концов ответил, что он поступит по их желанию. Затем, побужденный Аяксом, впервые после злого своего гнева, присоединившись к остальным грекам, он вступает в совет, где Агамемнон приветствует его по-царски. Кроме того, и другие вожди выказывают ему свое расположение, и все исполнено радости и веселья. Затем Агамемнон, взяв Ахилла за руку, приглашает его и остальных вождей на пир. Немного погодя, среди пира, когда все с радостью угощаются, Агамемнон просит Патрокла отвести Гипподамию с украшениями, которые он ей дал, в палатку Ахилла. Патрокл охотно выполняет это поручение. Между тем, за это время зимы греки и троянцы, отдельно и большими толпами, как доводилось, без всякого страха встречались друг с другом в роще Фимбрейского Аполлона⁵⁶.

(Продолжение следует)

⁵⁶ *Фимбрейского Аполлона*. – названного так по названию реки Фимбрия, при ее впадении в Скамандр, где находился храм Аполлона.